

Поденщики из НИИ

Когда молодым и океряченным работникам отдела науки и учебных заведений МРК КПСС поручили это новое и весьма деликатное дело, они взялись за него решительно. Составили списки организаций, подлежащих проверке, и отправили на согласование в отраслевые отделы горкома. И что бы вы думали? Почти все отделы воспротивились государственной проверке подопечных организаций.

В столице насчитывается 1087 научно-исследовательских и проектно-конструкторских коллективов, из них 142 академических, остальные — отраслевые. Есть и такие данные: из 933 тысяч работников, занятых в этих организациях, только 53 тысячи человек приходится на академическую науку.

В министерствах считают, что отраслевая наука развивается соответственно с ростом масштабов производства и задачами научно-технического прогресса. Но, к сожалению, это не совсем верно. Многие отраслевые научные и проектные организации с помощью министерств и ведомств при повустительстве ГКНТ сегодня чрезмерно загружены не свойственной им справочно-информационной работой, на базе ряда институтов последние годы повсеместно создавались малоэффективные, а порой абсолютно слабые центры НИОТ. Действуя по принципу — кто платит, тот и музыку заказывает, министерства засорили работу этих организаций мелкотемьем, заставляют их писать доклады и различные справки и отдают тем самым исследовательские коллективы от масштабных проблем развития отраслей. А иногда идет прямая подгонка фактов.

Передо мной монография, изданная Министерством мелиорации и водного хозяйства СССР. Называется она «О проблеме территориального перераспределения водных ресурсов северных рек». В ней сообщается, что в разработку проекта переброски участвовало 150 научно-исследовательских институтов... В результате исследований был сделан вывод о необходимости территориального перераспределения водных ресурсов и что в планируемых объемах оно не вызовет глобальных или крупных региональных нарушений природных условий, а нежелательные их изменения будут носить локальный характер...»

Но все это, мягко говоря, подгонка расчетов и исследований по заказу ведомства.

А вот правда. Бюро Отделения геологии, геофизики и геохимии Академии наук СССР приняло постановление, в котором признало обоснованной принятой Минводхозом СССР практику искусственного развития водных мелиораций в ущерб комплексной мелиорации земель. Документ свидетельствует, что действующая техника, технология и нормы полива наносят значительный ущерб природе. А это в свою очередь приводит к снижению продуктивности сельскохозяйственных земель, выбитию их из оборота из-за подтопления, вторичного засоления, просадок, ухудшения температурного режима и других негативных процессов в почвенном слое.

Отделение экономики Академии наук СССР пришло к выводу:

«Оценка экономической эффективности водных мелиораций, выполненная Минводхозом

СССР, недостаточно обоснована, базируется на несправедливой методике и неполной информации... Распределение капитальных вложений в области мелиорации нерационально, поскольку чрезмерный приоритет отдается новому водохозяйственному строительству в ущерб комплексному проведению мелиоративных работ... Разработанные с позиций ведомственного интереса проекты переброски части стока северных рек соответствуют экстенсивным тенденциям в мелиорации, не соответствуют духу и требованиям Продовольственной программы СССР и стратегическому курсу на интенсификацию экономики».

Голос общественности, ученых, писателей, журналистов был услышан, работы по переброске части стока северных рек были прекращены. Эту поучительную историю хорошо изучили в горкоме партии перед тем, как вилотную приступить к госпроверке. И пришли к выводу, что на сегодняшний день нет принципиальных оценочных данных, по которым можно точно определить: полезным ли делом занимаются в том или ином исследовательском центре или нет, каков его эффект, народнохозяйственная польза. Потому что измерителями служат промежуточные результаты, причем чаще всего на рубль затрат. А они не дают возможности определить главное — степень влияния данной работы на уровень технического прогресса в отрасли, сопоставима ли она с мировым уровнем или нет. Вспомнили деятельность НАТИ. В денежном выражении эффективность его работы просто замечательна, а если взять в расчет влияние института на технический прогресс в отрасли, то ув...»

Если в отраслевых отделах горкома встретили госпроверку без оптимизма, то в министерствах к данной работе отнеслись однозначно — зачем, мол, это нужно, мы и сами можем разобраться. Но участники госпроверки были единодушны в мнении — не могут. Министерства сегодня не стремятся объективно оценивать не только работу отраслевых институтов, но и технический уровень продукции своих предприятий, качество выполненных проектов. Промышленные министерства, например, считают, что частные телевизоры их заводов хороши, а потребитель, то есть мы с вами, готовы возражать.

Отраслевая наука, как и наша индустрия, пошла под гнет валовых показателей, которые снизили требовательность к оригинальности научно-исследовательских разработок, качеству и уровню новой техники и технологии, проектов. Ведь даже план по новой технике составляется по сей день в денежном выражении, а не в качественном. Сегодня мало пытаются соизмерять новые разработки с лучшими зарубежными. Если и делают это, то авторы порой подбирают «выгодный» зарубежный обра-

зед. Хотя понятно каждому, что пока идет разработка, и этот становится устаревшим. Слишком долго идут согласования, исследования, проектирование и подготовка к производству.

— Поэтому, — говорил мне заместитель начальника научно-организационного управления ГКНТ И. Образцов, которому доверено в комитете вести госпроверку, — пора нам самим ясно представлять потребности отраслей, — предложить завтрашний день науки и техники, уметь шагнуть в первых шеренгах. Но для этого надо расчитать путь от ведомственных завалов, дать дорогу толковым людям, стоящим ученым, талантливым молодежи. И потому едва ли оправдано сегодня выжидать — пока какал-то зарубежная фирма создаст оригинальный образец, надо самим уметь предвидеть развитие отраслей. В отраслевых институтах продолжает довлеть психология «бедных людей», суть которой — если в мире нет аналогов лучшей машины, то не стоит и нам утруждать себя перспективной работой. Мешает, что большинство предприятий и объединений, а порой и отраслей в целом так загружено плановой и сверхплановой работой, что не имеет достаточно резервов и ресурсов для маневра, быстрого создания новой, более совершенной продукции, обладающей высоким техническим уровнем, современными потребительскими качествами. Вот и получается, что для принципиально нового изделия министерства часто требуют дополнительные инвестиции.

Идея госпроверки научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций родилась не на пустом месте. В 1968 году принято решение, согласно которому министерства и ведомства обязаны не реже раза в три года проверять свои исследовательские и проектные центры. Но ими это не выполнялось. Только Академия наук СССР соблюдала данный порядок, но кое-как.

Первые попытки дать объективную оценку работы отраслевых институтов сделаны в 1985 году. Но в тот год Государственный комитет СССР по науке и технике совместно с Комитетом народного контроля СССР смогли лишь определить методику и формы, механизм проверки, так как опыта подобной работы не было. На следующий год члены комиссии действовали с большим эффектом, недаром половине из 14 проверенных институтов пришлось закрыть.

Едва ли интересно перечислять эти организации, так как они прекратили свое безоблачное существование. Но остался вопрос: как министерства и ведомства распорядились ресурсами и фондами, которые без особой народнохозяйственной пользы потребляли институты? В горкоме партии опасаются, что сокращенные единицы вместе с фондами и ресурсами могут переключаться в другие организации, так как идея «больше продукции — меньшим числом людей» еще не стала действенным инструментом перестройки. Почему же Госплан, ни Минфин СССР не проявила интереса: как Минводхозу удалось оставить

в своей системе фонд зарплаты разработчиков переброски рек? Почему фонды не вернули в государственную казну?

Создается впечатление, что ни одно из министерств, чьи институты закрыты, не сделало до сих пор радикальных выводов. Из лимитов численности персонала нигде не произошло изъятие штатных единиц. Ликвидированные организации могут вновь восстать из небытия, но уже под другими вывесками. Эффект госпроверки окажется нулевым, если не наказывать по заслугам бездельников и тех, кто способствует расточительству. Закритие НИИ — крайняя мера, и если половине проверенных институтов пришлось ликвидировать, значит, дела тут из ряда вон.

Основные силы отраслевой науки сегодня надо ориентировать на резкое повышение технического уровня производства, создание технологий, превосходящих лучшие мировые. Тогда министерства сами будут закрывать бесплодные конторы или своевременно перестраивать их профиль. Время прошло создавать «вечные» научно-исследовательские и проектно-конструкторские конторы, нужны действительно творческие коллективы для решения конкретных задач и распускать их, когда они выполняют свою работу. Пора ориентироваться на гибкие структуры. Но для этого должна быть иная система материального стимулирования исследовательского труда. Нельзя дальше терпеть, что действующий порядок содействует многолетнему безделью, а порой и откровенному паразитизму. Действующая система оказывает слабое влияние на технический уровень отраслей, снижает экономическую эффективность работ, неспособна в корне изменить положение.

Мне неоднократно приходилось общаться с работниками отраслевой науки. Тут есть замечательные ученые, истинные первопроходцы в науке. Но есть и другие, вежливые и обходительные бездельники, они могут поддержать интересную беседу о научно-техническом прогрессе, посетовать на несовершенство хозяйственного механизма, но сами в пальцах не хотят пошевелить, чтобы помочь всем нам быстрее двигаться вперед.

С каждой весной в коридорах и курялках научно-исследовательских и проектно-конструкторских центров начинаются горячие дебаты. «Кандидаты в доктора», младшие научные сотрудники и лаборанты сбиваются в рабочие артели, чтобы провести свой отпуск на сельских объектах или в тащобах далеких таежных лесопромхозов. К «трудному семестру» готовятся за год, интерес к физическому труду велик. Но не потому, что люди считают полезным сменить затхлый дух лабораторий на олон тайги, обрести статный вид и здоровье. Они едут заработать. И в отличие от основной работы расчет получают по конечному результату. А нельзя ли сделать так, чтобы и свои силы, и знания крепкие люди столь же заинтересованно посвящали техническому прогрессу?

Ю. КАЗЬМИН.

г. Москва.